

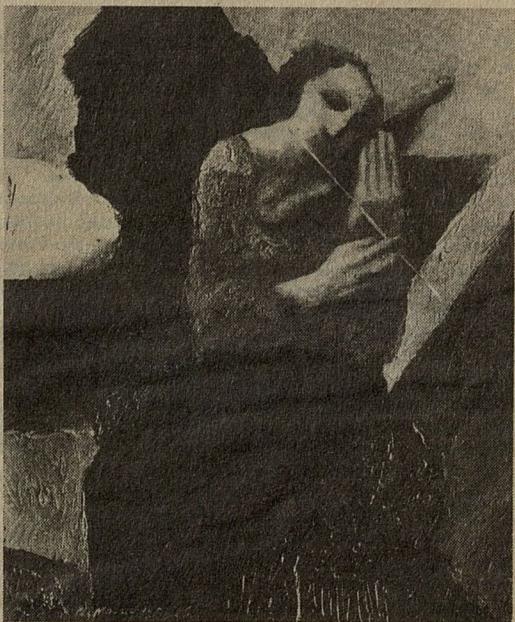
11.3.95.
Мосийчук Анатолий

Напрасная задача — впрямую анализировать каждую картину Анатолия Мосийчука. Смысль ее не лежит на поверхности — как правило, он зашифрован. Порой и не требуется особого глубокомыслия, чтобы разгадать ее суть. Нередко диковинные пространственные построения — бегство от обыденности. Его картина «Прелюдия» — один из пластических аспектов вечной темы «Художник и модель», только здесь художник, лишенный традиционных атрибутов своего ремесла, становится музыкантом, влюбленным менестрелем. Из его золотой дудочки выпархивает золотистая птица, а вдалеке сидит, заключенная в золотую клетку прелестная ангелоподобная модель — предмет поклонения мастера. И все это на фоне вполне реалистического пейзажа с зеленой лужайкой, далекими горами и голубым небом.

Мосийчук — скульптор, обладающий тонким чувством пластики. Он также опытный правер по дереву и дизайнер общественных интерьеров — вспомним хотя бы вестибюль станции московского метро «Авиамоторная».

Искусствоведы нередко упирают на умение художника делать все своими руками, начиная от паспарту и уникальных, великолепно сработанных рам до оборудования мастерской, от полочек и лавок до стола. Все это так, и это прекрасно. Но что же такое живопись Мосийчука? Не стремится ли он именно в ней уйти от добротного «рукомесла», не скрывает ли свои корабли, чтобы построить новый флот?

Создается впечатление, что сокровенный духовный мир он дерзает визуально воплотить именно в живописи, отршившись от конкретики каждого-дневной жизни. Его персонажи вовсе не заняты обустройством реального быта. Они и

лирующий оратор? В толпу затесалось несколько ангелов. Но кто же самозваный трибун — очередной фигляр или пророк? А может быть, он дирижер, которому вполне послушен хор толпы?

В человеке на полотнах Мосийчука есть все — «от хрюкания свиньи до пения хоров». В картине «Ночь», восходящей к гоголевской, фольклорной чертовщине, нет инфернальной жути, низменное здесь — в природе человеческой, повинен в этом не бес, а юная Солоха. И все же художник слишком любит людей, чтобы акцентировать темные человеческие инстинкты. Эротика его картин изысканна, вызывает ассоциации с классикой, как, скажем, неоднократно варьируемый сюжет, напоминающий похищение Европы.

гория, как у старых мастеров. Внушительная фигура музыканта подобна кариатиде, освободившейся от тяжелой ноши и взявшей в большие застекленные руки крохотную скрипку и смычок. Звуками пронизано все пространство, в котором словно плавают не видимые глазу музыкальные тела: кажется, что тихому, прозрачному скрипичному союзу вторит мощное многоголосие органных труб. На этой торжественной ноте в самый раз закруглить бы краткий очерк о живописи Мосийчука. Но как же быть с другими его картинами — а их немало, — где бредут неведомо куда простоволосые женщины по двое, поодиночке, тянут волоком тяжелые лодки, пытаются в них плыть по суше, прижимают к себе вместо утраченного домашнего скарба деревья, вырванные с корнем? Есть и совсем новые работы, в которых пронзительно ощущается потеряность человека в огромном мире. Низкие домики под сумеречными небесами, белеющие, как родные сердцу живописца украинские хаты, неприятны и одиноки, как люди, которым негде приклонить голову, негде обрести желанный покой. Чья глупость, чья злая воля, чья жестокость обрекают людей на бесплодные скитания? Но дело ли художника отвечать на подобные вопросы, его дело — видеть и предвидеть.

Несмотря ни на что, человеку суждено жить, любить, страдать, заблуждаться, улетать в заоблачные дали, мечты среди самых невообразимых жизненных передряг, и он одарен, очевидно, свыше, жаждет познания и творчества. В этом убеждает искусство Анатолия Мосийчука.

Валентина АЗАРКОВИЧ.

● А. Мосийчук. Музыка.

Полеты во сне и наяву

здесь обуреваемы жаждой любви, мирскими соблазнами, но тут все иначе.

Bo многих полотнах проступает паутина пут то в виде тонких, сотворенных из неведомо какой субстанции и ставших видимыми нитей, то прочных, какнатянутые струны. Ими могут быть опутаны двое — по своему ли желанию, либо по воле обстоятельств, и не в их власти эти нити разорвать. Они трансформируются в лучи, теряя осозаемую материальность, приобщая действия и действия обыкновенного человека к иному, странному миру, возможно, к космической беспредельности. И вот он — на чудесной грани реального «здесь» и таинственного «там». Слышил ли он музыку нездешних пространств? Это художник оставляет на усмотрение зри-

теля, и такие загадки всюду.

У художника много вариаций на тему «Преодоление». Преодоление — собственной хлипкости, когда узкоплечий, маленький человечек тужится поднять громадную штангу. Немолодые, приземистые, тучные люди в грезах ли, в снах ли, посредством воздушных шаров, диковинных воздухоплавательных аппаратов с помощью крыльев и без них, с превеликим усилием преодолевая инерцию притяжения, все же взлетают. Смешно и занятно на них смотреть, в то же время неволовко и грустно — не мы ли это? Теряющие ориентир в окружающей действительности, не знающие, кому довериться, и все же неистребимо доверчивые, люди стремятся к истине. Может быть, ее хочет поведать жаждо увнимающей толпе жестику-

Художник стремится отразить тягу человека к свету, к познанию непознанного. Ученые XX столетия с изумлением открыли огромную потенциальность человеческого разума. Она заложена генетически, хотя нынче всюду говорят и пишут о физической и умственной деградации, об исчерпанности генофонда. На эти крайние обстоятельства Природа или Создатель и запрограммировали практическую неисчерпаемость человеческих способностей. Художник не задает себе и зрителям гамлетовских вопросов. Человечество обречено жить, а значит, познавать окружающий мир.

Созидающую, спокойную и гармоничную энергию творчества излучает не большая, но монументальная по звучанию картина «Музыка». Это алле-